

АВТОКОЛОННА

МИЛЛИОНЕРЫ

– Куришь?

Начальник автоколонны внимательно разглядывал меня из-под кустистых бровей. Этот суровый взгляд предназначался не столько мне, сколько женщине из комиссии райисполкома по трудоустройству несовершеннолетних, стоявшей за моей спиной. Ей должно было быть ясно, что меня берут на работу не в какую-то шарашкину контору, а в надежную организацию с крепкой дисциплиной и добрыми традициями.

Я открыл рот, собираясь соврать, что не курю, а только балуюсь.

– Придется бросить, – не дождавшись ответа, заявил начальник.

– Пьёшь? – в том же тоне продолжил он, имея в виду, конечно, не воду.

Не заметив, что я успел отрицательно потрясти головой, начальник сурово отрезал:

– Придется бросить, – и, продолжая сверлить меня взглядом, добавил: – Слова плохие знаешь?

Если бы только я не слышал, какими словами изъяснялись мои приятели из таксомоторного парка, то подумал, что мне предлагают работу не в гараже, а в литературном институте, но, на всякий случай, стыдливо опустил голову.

– Придется забыть навсегда, – начальник авторитетно припечатал к столу широкую ладонь.

Сзади зашелестела платьем тетя из комиссии, показывая, что она здесь и со всем этим полностью согласна.

– Друзей плохих имеешь? – повысил голос начальник.

Я уже не рыпался, понимая, что мои ответы ему не нужны и машинально опустил голову.

– Придется бросить, – начальник встал, показывая, что разговор окончен. Растроганная тетя из комиссии горячо благодарила директора за будущую счастливую судьбу очередного воспитанника, попавшего в крепкие, но добрые руки.

Вскоре я убедился, насколько прав был начальник, остерегая меня от плохих друзей, от которых даже сам не смог уберечься. Они подбили на крупное воровство такого железного человека, как начальник автоколонны, и, в конце концов, все получили по десять лет.

В ремонтной зоне гаража, таких, как я малолеток, до шестнадцати, было восемь. Девятый находился в тот момент в бегах и числился во всесоюзном розыске. Два месяца назад, работая в ночную смену, он поссорился со своим приятелем и ударил его два раза в живот плоским немецким штыком.

Восемь пацанов в одеждах, блестящих от черной маслянистой грязи, лежали около ворот бокса прямо на земле, в независимо-вызывающей позе беспризорников. Они курили и презрительно рассматривали мой чистый ватник. Ребята перебрасывались такими замечаниями, в которых даже я не все слова понимал. Один парень небрежно, и как бы нечаянно, расстегнул ватник, демонстрируя пару свежих розовых шрамов на грязном впалом животе.

Мы познакомились. Я пожал всем руки. Ребята, не спеша, продолжили разговор, начатый до моего появления. Суть его сводилась к тому, чтобы как-нибудь раздобыть миллион. Один мечтал украсть миллион, но только

так, чтобы ему, как и Остапу Бендеру, за это ни фи́га бы не было. Второй мечтал получить миллион за какую-нибудь глупость, например за прыжок в Неву с арки Володарского моста, и при этом, он, конечно, останется живой и невредимый. Третий мечтал найти миллион. Он придумывал всякие ситуации, в которых кто-то мог потерять такую кучу денег, и не очень стремился бы их вернуть. Четвертый не утруждал себя сложными комбинациями и фантазиями:

– Сейчас подъедет к нам черная «Волга», – мечтал он, вытягиваясь на земле, – из нее выйдет клева́я чувиха с бэ́ком в руках и спросит:

«Ну, кто тут Журкин?»

Я отвечу: «Это я».

А она мне: «На тебе полный бэ́к денег».

Дождавшись паузы в беседе, я тактично вступил в разговор:

– Сидели на ветке два воробья, и один фантазировал: «Если бы я был миллионером, то построил бревенчатый скворечник, купил мешок зерна и женился на толстой воробьихе».

«А я, – размечтался второй, – скворечник построил бы кирпичный, вдвое больше чем твой, купил два мешка зерна, и воробьи́ху завел бы толще, чем твоя!»

Мимо пролетела ворона и крикнула им: «Эй, миллионеры! Там ваша лошадь прошла, навалила на дороге, летите скорее, а то без горячего останетесь!»

Ребята заржали, и я был принят в трудовой коллектив.

Появился бригадир и крикнул:

– Эй, миллионеры! Ну-ка, в яму, живо!

Ямой в автопарке называлась ремонтная канава. А слесарят, за их мечту получить миллион, бригадир так и называл миллионеры. Ребята потушили окурки дешевых сигарет и нехотя отправились по местам.

Меня определили учеником автослесаря в бригаду к дяде Володе Струнникову. Моим первым заданием была замена рессоры у самосвала. Рессора крепилась к заднему мосту двумя толстыми стремянками, на которые навинчивались четыре большие гайки, проржавевшие от соленой и грязной воды. Накидной ключ с длинной метровой ручкой стал первым инструментом в моей трудовой биографии. На пару с Журкиным мы с трудом стронули все гайки, и дальше мне надо было отвернуть их самому. Веса моего хлипкого тела не хватало, чтобы сдвинуть гайку даже на четверть оборота, и приходилось тянуть ключ на себя изо всех сил, уперевшись ногами в рельс канавы. Ржавая гайка при откручивании издавала громкий противный скрип. Через полчаса я был уже в мыле и отвернул только одну гайку.

Бригадир посоветовал мне обмотать гайки тряпкой, вымоченной в керосине.

– Спроси у Журкина, где взять керосин, – посоветовал он.

Журкин дал мне мятое цинковое ведро, и по его хитрой физиономии я заподозрил, что он сейчас пошлет меня в моторный цех за компрессией. От своих приятелей из таксомоторного парка я слышал, что в гараже для новичков это шутка номер один. Но Журкин спокойно объяснил мне, где и как взять керосин:

– В конце бокса стоит квадратный железный бак, но кран не работает. Мы набираем керосин резиновым шлангом, он торчит из бака. Ты ртом сильно не засасывай, а то керосину нахлебаешься. Сначала надо шланг

продуть, так чтобы остатки керосина внутрь ушли, и, когда услышишь бульканье, засасывай и держи шланг над ведром. Понял?

Я ухмыльнулся с видом бывалого шофера, которому объясняют правила вождения. Мне уже приходилось однажды засасывать таким способом бензин, но в голосе Журкина чувствовался какой-то подвох. У бака, спиной ощущая взгляды ребят, явно ожидавших представления, я не спеша взял в рот шланг и дунул в него, но никакого бульканья в баке не услышал. Набрал в легкие больше воздуха, дунул изо всей силы. Раздалось какое-то шипенье, и вдруг мне в рот неожиданно ударила такая мощная струя жидкости, что чуть не разорвала щеки. Я облился с ног до головы и в ужасе отбросил от себя шланг, уверенный, что весь в керосине. Но оказалось, что этот шланг был подсоединен не к баку с керосином, а к водопроводной трубе и когда я дунул, Журкин на полную мощность открыл кран. Ребята катались по земле в грязных ватниках и хохотали до слез. В автоколонне крещение шлангом принимали все новички.

Но оставаться в долгу не в моих правилах. В обеденный перерыв я предложил Журкину:

– Хочешь, на спор, руками разломлю на две части вот этот металлический трос? – и выложил на верстак мятый рубль.

– Без всяких механизмов? – Журкин осмотрел ржавый трос в два сантиметра толщиной, валявшийся в куче металлолома. – И без перчаток?

– Да, голыми руками!

Вокруг нас собрались ребята.

– Ставлю пачку сигарет, что не переломишь, – заявил Вася.

– А я пачку «Беломорканала», – Журкин положил на верстак, рядом с Васиным «Памиром», грязную пачку папирос.

– И мы ставим курево, – загалдели слесарята, и навалили на верстак полупустые пачки дешевых сигарет и папирос.

Подошел бригадир – дядя Володя – и поинтересовался, чем это мы занимаемся. Ребята рассказали ему суть спора.

– Круто! – усмехнулся бригадир и положил на верстак пачку папирос «Красная звезда».

– Напополам разорвешь? – уточнил Журкин, чувствуя подвох.

– Напополам это значит посередине, а как я ее определю точно? А вы потом станете измерять и придирааться, что не пополам. Просто разломаю на две части в том месте, где хотите.

– Давай! – заорали ребята.

– Только с двух раз, а то вдруг сразу не получится, – выдвинул я условие.

– Хоть с пятого раза, нам спешить некуда.

Тут подошел заведующий ремонтной зоной гаража (завгар) Герасим Петрович – высоченный мужик двухметрового роста. Завгар выслушал объяснение ребят по поводу моих намерений, усмехнулся в усы и коротко пробормотал:

– Ну, ну! – но, порывшись в кармане, курево на спор не поставил.

Подошли еще несколько шоферов, машины которых находились в ремонте, и меня уже окружила целая толпа.

Журкин наметил место излома. Я осторожно взял в ладони ржавый колючий трос и примерился. Подождав, когда затихнут возгласы и краткосрочные прогнозы типа: «щас, кишака из ж... выпадет» или «пупок развяжется», я крепко взялся руками за трос и его согнул. Народ затих.

– Раз! – выкрикнул я, так что первые зрители даже шарахнулись назад от неожиданности возгласа.

– Не сломал! – завопил Журкин, и потянулся к моему рублю.

– Есть еще одна попытка, – загалдели ребята.

– Два! – воскликнул я, в страшном напряжении сгибая трос.

– Не получилось! – выдохнул бригадир с облегчением. – Проиграл!

– Нет, получилось, – при гробовом молчании зрителей я аккуратно отогнул переломившуюся от сгибания тонкую ржавую миллиметровую проволоку и, раскачав ее из стороны в сторону, отломил от троса. – Вот две половинки, как и обещал, одна большая, другая поменьше.

Журкин машинально взял в руки обломок проволоки.

Шоферы дружно заржали, по достоинству оценив хохму. Засмеялись слесарята и бригадир. И только завгар недовольно буркнул «Ну, ну!», и ушел в контору.

– Закуривай, мужики, – предложил я, указывая на гору пачек сигарет и папирос, – всех угощаю!